

У НАС ПОБЫВАЛИ самые разные режиссеры. Некоторые американцы не показали нам ничего нового. Точно так же и многие испанские режиссеры не поразили нас. Несколько лет назад крупный немецкий режиссер Ганс Ансельм Пертен действительно многому нас научил. Но никогда никакой иностранный режиссер не показался нам таким интересным и значительным, как русский — Евгений Николаевич Лазарев...» — писала мексиканская газета «Семпре» 16 сентября прошлого года.

Эти строки я прочел на стенде в фойе нового филиала Театра им. Маяковского. Только что кончилась премьера спектакля, поставленного по пьесе А. Володина «Ящерица». С молодыми актерами театра постановку осуществил тот же режиссер, что со студентами драматической школы Национального института «Бельяс Артес» (изящных искусств) мексиканской столицы. «Огромный успех «Ящерицы», — освещала читатели «Эль Соль де Мехико», — привел к тому, что театральный сезон был продлен на месяц... Студенты IV курса театральной школы института «Бельяс Артес» переживают сейчас значительное событие в своей творческой жизни: они участвуют в создании праздничного спектакля, где яркая театральная форма сочетается с глубоким сценическим содержанием — в микрокосмосе площадки они ставят глобальные проблемы общечеловеческого содержания».

ИТАК, в Мексике — полный успех. Московская «Ящерица» только начала свой сценический путь. Не предвосхищая оценок критики, достаточно отметить, что лишние билеты спрашивают у Сретенских ворот — за три квартала от здания филиала. Как минимум огромный интерес спектаклю обеспечен.

Событие в театральной жизни двух столиц подготовлено одним и тем же человеком — доцентом ГИТИСа, актером Театра им. Маяковского заслуженным артистом РСФСР Е. Н. ЛАЗАРЕВЫМ. Его приверженность молодежи известна московским зрителям: в 1970 году «Гамлет» — в молодежном театре ЦДРИ «Мечтатель», затем «Третья ракета» и «13 дней свободы» в молодежной студии своего театра. Но почему вдруг Мехико?

— В 80-м году мне пришлось прочесть в мексиканской драматической школе месячный интенсивный курс лекций по системе Станиславского. Слушали меня с интересом, даже наградили медалью института «Бельяс Артес». И все же система Станиславского, объясненная «на пальцах», оставалась голой теорией. Просили продемонстрировать ее в деле.

Вскоре случай представился. Уже в Москве на одной из репетиций «Ящерицы» побывала аспирантка МГУ из Мексики Сельма Ансира, которую пьеса очаровала. Свой перевод пьесы Сельма отправила на

родину, после чего я получил приглашение. Так я снова оказался в Мехико.

В 16-миллионном городе драматическое искусство переживает бурный подъем. Кажется, никто точно не знает, сколько всего театров в Мехико, — известно, что больше ста. Однако драматическая школа Национального института — одна из многих государственных. Дипломный спектакль на четвертом курсе должен был стать первой постановкой советского режиссера в этой стране.

В моей работе все было необычно. Начиная с того, что в репетиционном зале собрались люди самых разных возра-

сионной стихии народного мексиканского искусства актеры чувствовали себя естественно.

— В обращении к пластике, очевидно, сходство московской и мексиканской постановок «Ящерицы». А в чем различие?

— Все в той же пластике. Мексиканцы в ней гораздо более экспрессивны — это их национальная особенность. И более темпераментны.

В спектакле нашего театра почти во всех ролях занята молодежь. А ведь проявить себя в академическом театре очень нелегко. Иное дело — спектакль студийный, внеплановый, где все строится на

любленную, он вскарабкивается все выше, не имея твердой опоры. Состояние героя точно выражается через движение.

— Смысловая многозначность движения, жеста, позы, ритма — отличительная особенность спектакля. Пантомима здесь не самоцель, не художественная пауза, но идейно-смысловой элемент структуры. Для такого решения, очевидно, потребовался специальный постановщик, специальные исполнители?

— Со мной работал режиссер-педагог по пластике Андрей Борисович Дразнин. А вот актеры — самые обычные, отнюдь не воспитанные в пластической культуре. Гибкие и плавные движения, выражающие сюжетные действия, — результат многочисленных тренировок. «Тренинг и муштра», к которым призывал Станиславский, чаще всего остаются, к сожалению, только словами. И в театре, и в театральных вузах выразительным аппаратом актеров занимаются мало. Русский актер привык брать «нутром».

А между тем поставленный голос, профессиональная пластика — средства нелишние. Вот мы и вспомнили об этом. Молодым актерам понравилось создавать образ всеми доступными средствами. Теперь перед каждым спектаклем проводится двухчасовая пластическая разминка. Это, между прочим, полезно не каждому. Одно время вместе с нашей молодежью пробовали заниматься некоторые опытные мастера. Физические нагрузки оказались непосильными.

— Наверное, для кого-то из молодых актеров вашего театра «Ящерица» тоже станет поворотным пунктом в судьбе?

— Хочется надеяться. Ведь спектакль, поставленный студийно, утвержден Главным управлением культуры; включен в репертуар театра. Как тут не отдать должное руководителям театра, главному режиссеру Андрею Александровичу Гончарову, поддержавшим новое начинание, по-отчески относящимся к становлению молодежи. Всячески поощряя дух студийности, необходимый, как я считаю, всякому живому театральному организму, они помогли раскрыть себя в первых больших ролях В. Якуниной, А. Самойлову, С. Кузнецовой, А. Соловьевой.

В новом спектакле по пьесе Алексея Казанцева «И порвется серебряный шнур», который я начал ставить с молодежью театра, заняты в главных ролях Н. Бутырцева, В. Власов, С. Насибов, а вместе с ними народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР Александр Лазарев. Как видно, и зрелый мастер находит пользу и удовлетворение в студийной работе. Впрочем, профессиональная зрелость — не помеха творческой молодости.

Беседу вел С. КАШНИКИЙ.

ИНТЕРВЬЮ «МК»

В М Е Х И К О И НА УЛИЦЕ ХМЕЛЕВА

тов и профессий, многие из них работают в других городах (некоторые ездили на репетиции за 70 миль). Это не мешало студентам заниматься два раза в день, вернее, в сутки: с 7 до 10 утра и с 7 до 12 вечера.

Необычным — не только для актеров, но и для меня, режиссера, — было распределение ролей. Ведь я всех видел впервые. И полностью доверился своей интуиции.

Поначалу эта доверчивость чуть не обернулась неожиданными сложностями: главные роли Ящерицы и Похитителя достались девушке из бедной многодетной семьи и парню из района Тепито — как вскоре мне объяснили, там живут в основном воры, контрабандисты и лица без определенных занятий. Даже намекнули, что мой выбор не самый удачный. Но менять решения я не стал и рад, что не ошибся. Позднее, когда спектакль получил первую премию на международном фестивале в Гвадалахаре, исполнили главных ролей также удостоились первых премий как лучшие молодые актеры.

— Как отнеслись к выбору пьесы и режиссера сами исполнители?

— Достаточно сказать, что когда по всей драматической школе была объявлена забастовка, единственный коллектив, продолжавший занятия, был мой.

Вообще же пьеса пришла мексиканцам по вкусу. Тонкая ирония, современные философские и полемические коллизии, проглядывающие за конфликтом героев первобытного общества, оказались близки и интересны. Как и предложенное мной пластическое решение спектакля. В этой

энтузиазме и творческой инициативе каждого.

— Именно каждого, а не режиссера-постановщика?

— В том-то вся прелесть студийной работы, что здесь как раз и реализуется понятие «воспитание профессией». Испытывая большую творческую ответственность, молодой актер формируется как художник, у него возникает чувство строителя, хозяина театра. Плановая работа такую возможность представляет далеко не всем. И вот в этой атмосфере коллективного творчества как нигде оправдана режиссура, основанная на благожелательности к актеру.

— Кстати, этот принцип чувствуется по игре актеров: они раскованы, воодушевлены, склонны к импровизации...

— ... даже порой чересчур. Ребята ощущают: их заметили, за ними внимательно следят, их ценят. В этом громадная польза для молодых актеров. Хотя, когда инициативы через край, не всегда удается сохранить чувство меры. Приходится порой сдерживать импровизацию, чтобы она по крайней мере укладывалась в замысел спектакля.

— Но в тех случаях, когда удалось, ребята что-то изобретают?

— Конечно. Да разве бы я один столько всего напридумывал. Чуть ли не в каждую мимическую сценку они внесли что-то свое. К примеру, Александр Самойлов, исполняющий роль Похитителя, когда в конце спектакля ищет исчезнувшую Ящерицу, взбирается на вертикально висящую сеть. Крича и высматривая свою воз-